

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

НУМИЗМАТИКА
И
ЭПИГРАФИКА

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1960

Е. А. ДАВИДОВИЧ

КЛАД СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ПУЛОВ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVI в.

В 1952 г. в г. Ташкенте при земляных работах на глубине 0,5—1,0 м были обнаружены кости животных, фрагменты жженого кирпича, фрагменты керамики (преимущественно XVI в.) и клад из 29 мелких медных монет¹.

Медные монеты², переданные нам на определение, оказались очень потертыми. На большинстве их не сохранилось вообще никаких надписей и рисунков. На некоторых видны следы орнаментов, главным образом, в виде решетчатых плетенок. На одном экземпляре сохранилась часть квадратного картуша, но заключенная в нем надпись стерта совершенно. И лишь на одной монете надписи читаются почти полностью (рис. 1). Внешне все монеты чеканены небрежно. Они имеют более или менее округлую форму, в большинстве случаев с неровными или даже рваными краями. Часть монет — плоские и тонкие кружки примерно одинаковой толщины. Другие на одном конце имеют резкое и специфическое утолщение определенной формы: они чеканены из кусочков проволоки.

Единственную удовлетворительно сохранившуюся монету мы определяем следующим образом.

Л. ст. — В поле, обрамленном линейным ободком ضرب يك پولي

«чекан однопуловый» или «монета в один пул».

Об. ст. — В поле — часть даты арабскими словами

عشر تسعماية т. е. 91... г. х.

Надпись оборотной стороны частично стерта; слово, обозначающее единицы, в дате не читается. Поэтому время выпуска данного экземпляра определяется в пределах между 910 (1504/5) и 919 (1513/4) годами хиджры. Следовательно, сложение клада в целом ориентировочно должно быть отнесено к первой четверти XVI в., а монеты определены как позднетимуридские или скорее шейбанидские.

В надписи лицевой стороны некоторое сомнение, на первый взгляд, вызывает чтение буквы «каф» в слове «як». Но именно такое несколько упрощенное начертание встречается и в других монетных надписях этого времени. Чтение же второго слова — «пули» прекрасно подтверждается

¹ Все находки были собраны и доставлены в Музей истории АН УзССР Ю. Б. Рожновым — учеником средней школы.

² Инв. № 170.

нижеприводимым сравнительным анализом письменных источников и веса самих монет клада.

Слово «пул» в письменных источниках XVI в. встречается неоднократно, причем в приложении к монетам разного металла; из этого следует, что в XVI в. одно из значений этого слова было связано с обозначением денег вообще. Например, применительно к золоту этот термин был использован Хафиз Танышем в его «Абдулла-намэ» при описании обстоятельств, связанных с мероприятиями Абдулла-хана II Шейбанида в отношении чеканки золотых монет. Согласно свидетельству Хафиз Таныша, Абдуллахан приказал, чтобы золото («зар») очищали от примесей и, чеканя деньги («пул») в один мискаль, прекратили их порчу³.

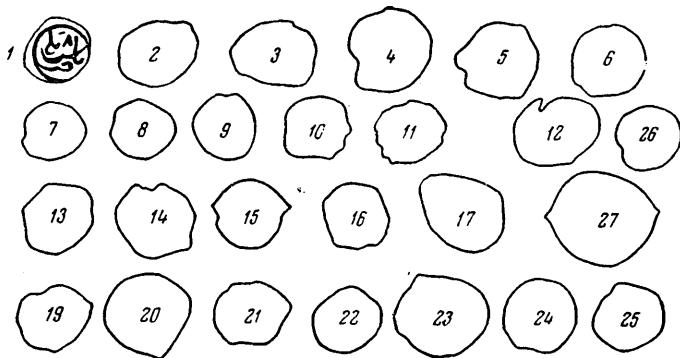

Рис. 1. Клад среднеазиатских пулов первой четверти XVI в.

Термин «пул» в источниках встречается также применительно к медным монетам. Так, Дженкинсон, живший в Бухаре в 1558—1559 гг., прямо пишет, что медная монета там называется пулом⁴. В одной из купчих конца XVI в. слово «пул» в приложении к медным монетам упомянуто с эпитетом «сиёх», что значит «черные пулы»⁵.

Основной медный номинал в Средней Азии XVI в. назывался динаром. Это наименование встречается в нарративных источниках, в юридических документах того времени и в надписях на самих медных монетах⁶. Поэтому естественно возникает вопрос, в каком отношении к динару находились те медные монетки, которые в письменных источниках и в надписи на монете разбираемого клада называются «пулами» или «черными пулами». Ответ на этот вопрос дают два разновременные свидетельства. Первое сохранила вакуфная грамота Михр-Султан-ханум, составленная в первой четверти XVI в. в пользу двух самаркандских медресе: медресе Шейбани-хана и медресе, построенного самой вакфодательницей. В вакуфной записи неоднократно упоминаются деньги, поэтому в конце документа они подробно описываются. В частности, оговорено, что один медный динар равен шести другим медным монетам⁷. Последние в дан-

³ Рукопись Института востоковедения АН УзССР, инв. № 2207, л. 463-а. Полный текст, перевод и толкование этого отрывка см. Е. А. Д а в и д о в и ч. Две денежные системы в государстве Шейбанидов. «Труды САГУ», новая серия, вып. XXIII. Ташкент, 1952, стр. 121—123.

⁴ А. Д ж е н к и н с о н. Путешествие в Среднюю Азию 1558—1560 гг. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Пер. с англ. Ю. В. Готье (б. м., б. г.), стр. 183.

⁵ «Маджмуэи весаяк». Рукопись Института востоковедения АН УзССР, инв. № 1386, док. 333, л. 99-б.

⁶ Е. А. Д а в и д о в и ч. К медным номиналам конца XV — начала XVI вв. по данным чекана Хисара и Кундуза. Сообщения Таджикского филиала АН СССР, вып. XXIV. Сталинабад, 1950, стр. 39—40.

⁷ «Вақф-намои хазрати Шейбани-хан». Рукопись Института востоковедения АН СССР, № 764 аг., л. 106-а.

ном случае обозначены словом «фулюс», что, однако, не было их собственным наименованием. В XVI в. слово «фулюс» могло прилагаться к любой медной монете вне зависимости от ее достоинства и просто обозначало, что монета именно «медная».

Итак, в вакуфной грамоте первой четверти XVI в. (т. е. времени разбираемого клада) упоминаются медные монетки, равные $\frac{1}{8}$ части основного медного номинала — динара. С другой стороны, для более позднего времени Дженкинсон пишет, что в Бухаре есть только одна серебряная монета — теньга, которая равняется 120 медным монетам, именуемым пулами. Отношение между серебряными и медными монетами обычно фиксировалось в юридических документах XVI в. Это отношение не оставалось неизменным, однако отмеченные его колебания были частными и недолговечными. В целом удалось зафиксировать две устойчивые официальные нормы: 1) серебряная теньга весом в один мискаль равна 20 (при Искендер-хане — 21) медным динарам; 2) такая же теньга равна 30 медным динарам. Следовательно, «пулы» Дженкинсона не тождественны динарам. Это совсем другой и значительно более мелкий номинал. Вторая норма (теньга равна 30 динарам) была введена Абдулла-ханом II (1583—1597) после серьезного кризиса денежного обращения. До этого серебряная теньга приравнивалась обычно именно к 20 динарам. Это дает возможность вычислить отношение между динаром и «пулом» Дженкинсона: так как одна серебряная теньга в это время равнялась одновременно 20 динарам и 120 пулам, один динар равен 6 пулам. А это, в свою очередь, переключается с нормой, фигурирующей в вышеупомянутой вакуфной грамоте первой четверти XVI в.

Следовательно, в обоих разновременных свидетельствах фигурирует один и тот же мелкий медный номинал, который на протяжении первой половины и середины XVI в. равнялся $\frac{1}{6}$ части медного динара. А поскольку у Дженкинсона такая монетка названа пулом, остается заключить, что реальная монета ташкентского клада с надписью «чекан однопуловый» равнялась именно $\frac{1}{6}$ динара.

Медные монеты в XVI в. имели совершенно определенный вес, назначаемый для них государством, при этом законный вес монет определялся с точностью до нухуда ($\frac{1}{24}$ часть мискаля). Кратные основного номинала получали соответственно кратный вес. А для легкости практического распознавания внешне они обычно оформлялись различно. Сравнение реального веса монет с некоторыми монетными надписями позволило выявить в чекане разбираемого времени монеты достоинством в два динара, в половину динара и в $\frac{2}{3}$ динара⁸. Поэтому следовало ожидать, что пулы, равные $\frac{1}{6}$ части динара по своему достоинству, должны и по весу составлять его шестую часть.

Для выяснения среднего веса пулов мы прибегли к графическому методу (позволяющему сразу отбросить экземпляры со случайными отклонениями от нормы) и вычислению среднего арифметического. В данном случае оба показателя совпали. Средний вес 27 пулов ташкентского клада равен 0,79 г. Графическая таблица (рис. 2) дает следующую картину. Основная масса монет (25 экз.) располагается компактной группой в пределах 0,4—1,2 г., что в среднем дает 0,8 г. Следовательно, при чеканке этой группы мелких медных монет отклонения от законного веса в обе стороны допускались примерно на 0,4 г или даже несколько больше. Такой размер допускаемых отклонений от законного веса при средневековой технике чеканки относительно невелик; в медном чекане XVI в. именно такая точность юстировки наблюдается чаще всего. Некоторые же группы

⁸ Е. А. Д а в и д о в и ч. К медным номиналам. . . , стр. 39—46; е е ж е. Шаартузский клад двойных динаров 906 (1500-1501) и 907 (1501-1502) гг. Доклады АН Тадж. ССР, вып. 9. Сталинабад, 1953, стр. 31—42.

медных монет демонстрируют значительно больший диапазон колебаний вокруг среднего веса. И даже в чеканке серебра в XVI в. ремедиум был немногим меньше.

Итак, средний вес пулов XVI в. равняется 0,8 г. Учитывая общую потертость всех экземпляров ташкентского клада, следует признать, что законный их вес был несколько выше.

Вес основного номинала — медного динара — не оставался на протяжении XVI в. неизменным. Например, с 897 (1491/92) до 913 (1507/8) г. его вес понижался трижды и упал с 5,2 до 4,6 г. Денежная реформа 913—914 гг. х. (1507—1509 гг.) вновь повысила вес динара до 5,2 г⁹. Позже

Колич. монет	Вес в граммах														
	0,4	0,5	0,6	0,7	0,8	0,9	1,0	1,1	1,2	1,3	1,4	1,5			
1	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■					
2	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■					
3			■	■	■	■	■	■	■	■					
4				■	■	■	■	■	■	■					
5					■	■	■	■	■	■					
6						■	■	■	■	■					

Рис. 2. Таблица веса пулов.

он опять понизился. Но важно отметить, что законным весом для динара в XVI в. считался вес именно в 5,2 г, так что государственная власть, иногда понижавшая его вес из фискальных соображений, в конце концов снова возвращалась к этой законной норме. Эта норма в восточных метрических единицах зафиксирована самими монетными надписями («один мискаль и полданга» на самаркандских монетах 914 (1508/9) г.) и письменными источниками («один мискаль и два нухуда» в вакуфной грамоте 942 (1535/6) г.). Следовательно, медные пулы, являясь шестой частью динаров, должны были весить 4,5 нухуда или 0,9 г, что вполне согласуется с вычисленным выше средним весом пулов первой четверти XVI в. (0,8 г). А это, в свою очередь, лишний раз подтверждает правильность как чтения надписи на одной из монет ташкентского клада, так и идентификацию этих медных монеток с пулами Дженкинсона и с фулюсами вакуфной грамоты Михр-Султан-ханум.

Относительно названия этих монеток необходимо отметить следующее. Слово «пул», как и большинство других аналогичных терминов, имело в XVI в. два значения — общее и частное. В более широком смысле оно служило для обозначения денег вообще (вне зависимости от их достоинства и даже металла), а в более узком смысле — для наименования самого мелкого номинала меди. В последнем случае, для конкретизации, к слову «пул» могло добавляться какое-нибудь пояснение: это мог быть какой-либо эпитет (вроде «сиёх» — «черный») или числительное (вроде «як» — «один»). Выражения типа «один пул» или «черный пул» следует рассматривать как собственные наименования для самого мелкого медного номинала. В этом случае населению было понятно, о каком роде монет идет речь. Поэтому и в источниках дальнейшие оговорки относительно их достоинства и соотношения с другими монетами могли не делаться. При употреблении других обозначений (например, «фулюс») такие разъяснения считались необходимыми.

До обнаружения в 1952 г. разбираемого клада идентификация упоминаемых в письменных источниках монет в $\frac{1}{6}$ часть динара с какими-либо определенными монетными кружками оставалась в области предположений. Сравнительный анализ надписи на одной из монет клада, веса медных монет разного достоинства и сведений письменных источников дает реальный критерий для выделения и распознавания среди массы

⁹ Е. А. Д а в и д о в и ч. Денежная реформа Шейбани-хана. Труды АН Тадж. ССР, т. XII. Сталинабад, 1954, стр. 100.

разнообразных медных монетных кружков XV—XVI вв. монет, именуемых «черными пулами». Таким критерием является, прежде всего, их вес. Для первой четверти XVI в. их средний и законный вес равнялись 0,8—0,9 г с допускаемыми отклонениями от среднего веса минимум на 0,4 г в обе стороны. Весовые показатели в отношении «черных пулов» корректируются также вышеописанными признаками небрежного внешнего оформления. Именно такая небрежность их чекана вместе с низким (самым низким среди всех прочих медных монет) достоинством и дала, вероятно, основание называть эти пулы «черными».

Небрежность чекана самого мелкого медного номинала не случайна. Аккуратный и правильный чекан монеты любого достоинства отнимал примерно одинаковое время и требовал одинакового труда. Поэтому выпуск мелких номиналов был мало выгоден для владельца металла (являлось ли таковым государство или частное лицо) и монетариев¹⁰. Упрощение изготовления заготовок и самого процесса чеканки могло частично компенсировать расходы по выпуску пулов.

В заключение необходимо остановиться еще на одном моменте. В чекане конца XV—XVI вв. удалось выявить монеты пяти разных достоинств, практически легко различавшиеся по признакам внешнего оформления и имевшие к тому же кратный вес, соответствующий их достоинству. Эти монеты — двойной динар, ординарный динар, полудинар, монета в $\frac{2}{3}$ динара и «черный пул» в $\frac{1}{6}$ динара. Такая дробность медного чекана сама по себе свидетельствует о значительном размахе денежной торговли именно в сфере обращения медных монет. Существенно поэтому представить, какие стороны торговли обслуживались по преимуществу медной монетой. В этом аспекте очень показательны то, что дневной заработок и прожиточный минимум представителей разных низко- и даже среднеоплачиваемых профессий исчислялся именно в медных монетах.

Сведения такого рода встречаются в вакуфных грамотах, ибо вакфодатель всегда предусматривал вознаграждение лицам, связанным с объектом одарения. Вознаграждение обычно исчислялось долей дохода с вакуфного имущества. Но иногда указывались абсолютные размеры в деньгах или зерне, или же в деньгах и зерне одновременно. Из всех примеров по оплате лиц разных профессий в данной связи особенно интересны сведения относительно оплаты имамов, муэдзинов, феррашей (уборщиков), поваров и студентов на основании следующих соображений: имам и муэдзин не могли одновременно работать в двух приходах или местах по характеру своей деятельности, что должен был учитывать вакфодатель при назначении им содержания. В аналогичном положении находились, видимо, повара (обычно нанимаемые для приготовления пищи большому количеству людей в дни месяца рамазана) и ферраши (обязанности которых, часто перечисляемые, были настолько многочисленны, что они едва ли могли иметь еще одно такое же постоянное место). Кроме того, оплата лиц именно этих профессий в вакуфных грамотах определялась деньгами (или деньгами и зерном) в абсолютных цифрах, вне зависимости от доходов вакуфного имущества, тогда как представителям других профессий оплата даже в тех же вакф-наме́ исчислялась обычно в долях дохода от вакуфного имущества. Это в свою очередь подтверждает предположение о том, что оплата лиц вышеперечисленных профессий рассматривалась как прожиточный минимум и должна была быть поэтому избавлена от возможных колебаний общего дохода с вакуфного имущества.

¹⁰ Ср., например, конфликт, долгое время имевший место в средневековой Англии из-за нехватки мелкой монеты и нежелания монетчиков ее выпускать. Королевская власть вынуждена была неоднократно декретировать обязательность ее чекана из части приносимого металла. (Ф. И. Михалевский. Очерки истории денег и денежного обращения, т. 1. М., 1948, стр. 198—199).

Нельзя при этом не отметить, что размер оплаты даже этих лиц зависел в известной степени от значимости объекта одарения и богатства вакуфодателя. В разных медресе имам, муэдзин и ферраш не получали совершенно одинаковых сумм, но даже наименьшие выплаты (по основным вакф-намэ в пользу вновь отстроенного сооружения) должны соответствовать прожиточному минимуму.

В тех случаях, когда такого рода вознаграждения выражались одними деньгами, они по разным вакуфам за разные годы показывают такие цифры: для имама — 6—11—15 медных динаров в день; для муэдзина — 3—5—7,5 динаров в день; для слуги — большей частью как для муэдзина или еще немного меньше¹¹, для студентов низшего, среднего и высшего разрядов — соответственно 6 динаров 4 пула, 9 динаров 2 пула и 10 динаров 4 пула в день¹². Повар — согласно одному вакуфу — ежедневно получал примерно 5 динаров¹³ во все дни месяца рамазана, когда он готовил пищу для жителей медресе и всех проходящих. В тех случаях, когда вознаграждение назначалось частично деньгами, а частично зерном, денежная доля резко уменьшалась. Это само по себе намекает на то обстоятельство, что значительная часть заработка лиц этих профессий шла на приобретение хлеба.

Интересно одно указание о содержании раба, специально купленного для уборки в медресе. По условию вакфодателя ежемесячно ему должна была выдаваться определенная сумма денег и зерно. При пересчете на дневную норму это дает: деньгами — один динар и два пула и зерном — примерно 1,7 кг¹⁴.

Целая группа юридических документов¹⁵ 997 (1588/89) и 998 (1589/90) гг. фиксирует прожиточный минимум, который в той или иной форме обеспечивал ребенку его отец в случае развода. Эта сумма обычно колеблется в пределах 2—3 медных динаров на один день и лишь в отдельных случаях поднимается выше. При этом в документах оговаривается, что подразумевается полное содержание ребенка, т. е. и пропитание и приобретение одежды. В иных случаях отец ребенка обязуется предоставлять одежду отдельно, но тогда на пропитание обычно назначается еще меньшая сумма — около полутора динаров в день.

Сведения такого рода можно было бы умножить. Но и приведенные достаточно выпукло, хоть и косвенно свидетельствуют об уровне цен в XVI в. на сельскохозяйственную и ремесленную продукцию первой необходимости. В сопоставлении с вышеотмеченным фактом чеканки медных монет пяти разных достоинств (во всяком случае, в первой четверти XVI в.) это позволяет представить себе картину обращения медных монет и их роль в торговле среднеазиатского города XVI в., а также степень проникновения торговли и ее значение в жизни рядового горожанина. При этом следует помнить свидетельство Дженкинсона о том, что медная монета «чаще, чем серебро, служит для платежей». Поскольку из всех медных монет разного достоинства Дженкинсону был известен только самый мелкий медный номинал — «черный пул» — это красноречиво определяет место последнего в сфере денежного обращения.

¹¹ Вакф-намэ 934 г. х. в пользу медресе Мири-Араб в Бухаре; вакф-намэ 1002 г. х. в пользу медресе Кульбаба Кукельташ в Бухаре; вакф-намэ в пользу медресе Абдуллахана в Бухаре (точной даты нет). Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) УзССР, фонд 323, док. № 16, 1, 2.

¹² Вакф-намэ 942 г. х. в пользу медресе Газиян в Бухаре. ЦГИА, фонд 323, док. № 12.

¹³ Вакф-намэ 977 г. х. в пользу медресе Гаукушан в Бухаре. ЦГИА, фонд 323, док. № 115.

¹⁴ Вакф-намэ 942 г. х. в пользу медресе Газиян в Бухаре. ЦГИА, фонд 323, док. № 12 и № 1186/7.

¹⁵ «Маджмуи весаик». Указ. сборник, док. № 257—302.

ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА

XXIV

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА Б. Б. ПИОТРОВСКОГО

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1988

Е. А. ДАВИДОВИЧ

КЛАД СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ (ТАНГА) ШЕЙБАНИДОВ И ДЖАНИДОВ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В XVI—XVII вв.

В 1967 г. в урочище Амбарсай близ Дензу (долина Сурхандарьи, Южный Узбекистан) местный житель нашел крупный клад серебряных монет. Сведения о месте находки и примерных размерах клада (около 300 монет) сообщил В. П. Турчичский, который в разное время получил от находчика две части клада (сначала 24 монеты, потом 35) и доставил их мне для определения и научной обработки.¹ Из дошедшей части клада (59 монет) видно, что он смешанного состава: 34 монеты Шейбанидов XVI в. (чекан пяти государей) и 25 монет Джанидидов начала XVII в. (чекан трех государей). Среди монет — редкие и даже уникальные, с новыми датами, новых, еще не описанных в литературе типов, с наименованием новых монетных дворов для отдельных типов. Клад открывает возможность детализировать некоторые моменты политической истории и рассмотреть ряд вопросов денежного обращения XVI—XVII вв.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ И ОПИСАНИЕ МОНЕТ КЛАДА

Для серебряных монет XVI—XVII вв. нами давно принята следующая классификация: критерий типа — картуши двух сторон монетного кружка; критерий варианта — разница в содержании надписей. Принцип такой классификации не формален, он отражает особенности организации денежного обращения при Шейбанидах в XVI в. и при Джанидидов в XVII—XVIII вв. Такая классификация, как показал опыт, является важнейшим инструментом изучения ряда вопросов монетного чекана и денежного обращения. Вместе с тем она имеет и археографическое значение, ибо является удобной основой для издания самого источника — кладов и коллекций монет. Классификация позволяет заменить традиционное описание

каждой монеты описанием типа в сопроводительной таблице-списка с индивидуальными сведениями о каждом экземпляре, занимающими одну строчку. Такая форма издания источника сохраняет и даже увеличивает информацию при значительном сокращении общего объема публикации. Описание клада из долины Сурхандарьи осуществляется именно по этой форме.

Нами уже опубликована сводная типологическая классификация джанидидских серебряных монет XVII—XVIII вв.² Предусматривая появление новых типов, типовую нумерацию мы дали не сквозную, а самостоятельную для типового комплекса каждого государя. Новые типы по мере их обнаружения получают следующие порядковые номера.

Сводная типологическая классификация шейбанидских серебряных монет XVI в. нами также уже разработана, но еще не опубликована, поэтому типы шейбанидских серебряных монет клада описаны под их порядковыми номерами.

Формы картушей в тексте не описываются, они показаны на рис. 1—3. Описания типов начинаются с указания порядковых номеров по сводной описи (табл. 1) и сопровождаются примечаниями, дающими представление о сравнительном значении публикуемых монет клада. Для этой цели они сопоставлены не только с существующими публикациями, но и с неопубликованными монетами следующих музеев и собраний: Государственного Эрмитажа, Ленинград (далее — ГЭ); Государственного Исторического музея, Москва (далее — ГИМ); Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва (далее — ГМИИ); Музея истории народов Узбекистана АН УзССР, Ташкент (далее — МИУз); Государственного музея истории, культуры и искусства УзССР, Самарканд (далее — СМ); Института истории АН ТаджССР, Душанбе (далее — ИИТ).

¹ Вторую часть клада (35 экз.) В. П. Турчичский передал в Институт истории АН ТаджССР (Н-259/1—35). В описи клада (табл. 1) во второй графе литерой «Т» обозначена часть клада, оставшаяся в частной коллекции В. П. Турчичского.

² Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв.: (Золотые и серебряные монеты Джанидидов). Душанбе, 1964. С. 12—52. Табл. 1—7.

Оформление поля двух сторон монетного кружка, репертуар монетных надписей и их взаиморасположение на публикуемых шейбанидских и джанидских монетах клада одинаковы и стандартны. Репертуар надписей: имя

с частью титулов, в картуше оборотной стороны — всегда символ веры: *لا اله الا لله الله محمد رسول*. При описании типов монет символ веры в арабской графике повторять не будем. На лицевой стороне вокруг центрального кар-

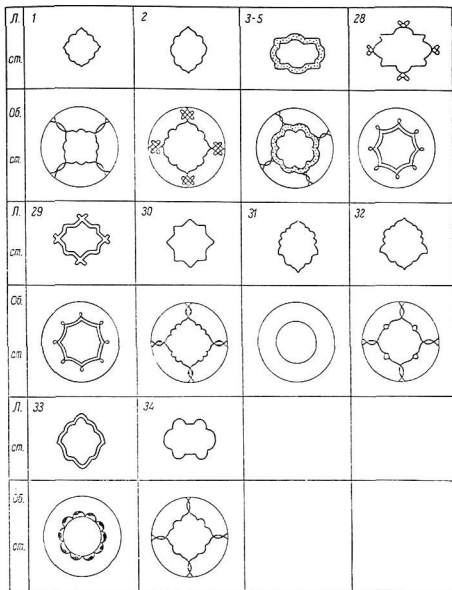

Рис. 1. Картуши шейбанидских танга клада из Амбарсая.

и титулы государя, благопожелание ему, наименование монетного двора, иногда дата цифрами, символ веры, имена первых четырех халифов с титулом «амир ал-муминин», с эпитетами или благопожеланием. Центр обеих сторон монетного кружка занимают картуши: в картуше лицевой стороны расположено имя

туша расположены остальные титулы государя, благопожелание ему и наименование монетного двора. Дата цифрами располагалась в картуше или среди слов круговой надписи. Но дата не была обязательным компонентом, поэтому причину ее отсутствия на монетах плохой сохранности (а таких в клада большинство) опреде-

лить невозможно: она либо не была представлена, либо стерта. На оборотной стороне вокруг центрального картуша на монетах клада всегда

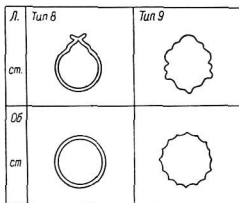

Рис. 2. Джаниды. Джани-Мухаммад.
Новые типы.

имена первых четырех халифов: ابو بكر (или عثمان بن عفان). При описании типов мы не будем повторять эти имена в арабской графике, кроме тех случаев, когда сохранность монет позволяет выявить форму написания имени первого халифа. Имена халифов сопровождают то титул: الامير المؤمنين то эпитеты, то благопожелание.

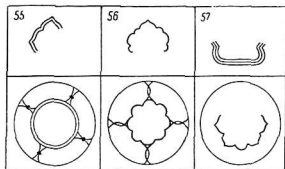

Рис. 3. Джаниды. Баки-Мухаммад.
Новые типы 12—14.

1. Убайдаллах. Самарканд 944/1537-38 г.
(рис. 1, 1).³

³ Такого типа монеты, чеканенные в Балхе, Бухаре и Самарканде, весьма многочисленны, однако число самаркандских монет именно 944 г. х. невелико (ГЭ, № 321, 32н, 32пм; ГИМ, 939643). Монета Самарканда 944 г. х. из коллекции С. Строганова (хранящейся ныне в ГЭ), кратко упомянутая В. Г. Тизенгаузеном (Tiesenhausen W. Notice sur une collection des monnaies orientales de... Strogonoff, Spb., 1880. P. 44, № 82), как оказалось при ее осмотре, принадлежит этому же типу.

Л. ст. В картуше — имя, часть титулов и дата цифрами: عميد لله بهادرخان. По кругу — остальные титулы, благопожелание и наименование монетного двора (надпись стерта, но реконструируется — см. примеч. 3): الخاقان الخاقان والمملك الكامل ابو الغازي خند الله تعالى يمكنه وسنطانه ضرب شير مرد سمرقند

Об. ст. В картуше — символ веры. По сторонам картуша — имена первых четырех халифов, у каждого титул и благопожелание: امير المؤمنين رضی الله عنه

2. Пир-Мухаммад I (рис. 1, 2).⁴

Л. ст. В картуше — имя государя с частью титулов: پير محمد بهادر خان. По кругу — остальные титулы⁵ и благопожелание (наименование монетного двора стерто): الخاقان الترمذاني ناره الداوران ابو الغازي خند الله تعالى منحه وسنطانه ضربا

Об. ст. В картуше — символ веры. По сторонам картуша — имена первых четырех халифов (соединенные союзом «wa») с их обычными эпитетами.

3—5. Пискадар. Балх 988/1580-81 г. (рис. 1, 3—5).⁶

Л. ст. В картуше — имя и часть титулов: اسکندر بهادر خان. По кругу — остальные титулы, благопожелание, наименование монетного двора

⁴ Опубликованы только бухарские монеты такого типа (см.: L o w i c k N. M. Shaybanid silver coins // Numismatic Chronicle. 1966. Ser. 7. Vol. 6. P. 296, 324, № 245). На неопубликованных монетах ГЭ (А. К. Марков только упоминает их, без приведения надписей и форм картушей; см. Марков в А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа. СПб., 1896. С. 691, № 79—80) тоже «Бухара».

⁵ Титулатура очень своеобразна, зафиксирована только в чекане Пир-Мухаммада I, зато на монетах трех типов. Чтение Н. М. Лавика (см.: L o w i c k N. M. Shaybanid silver coins. P. 294, 296, 297) не кажется убедительным (см.: Давидович Е. А. Шейбанидские серебряные монеты XVI века: критический набросок в связи с новой публикацией) // НАА. 1969. № 4. С. 193). Наш опыт реконструкции титула см. там же.

⁶ Монеты № 6—26 такого же типа, но дата цифрами стерта или отсутствовала; у № 8—26 стерто и наименование монетного двора (см. табл. 1), хотя на некоторых экземплярах (например, № 13—14) первая буква названия города сохранилась и позволяет чтение «Балх». Этот тип, столь обильно представленный в кладах, раньше был нам известен лишь по одной опубликованной Н. М. Лавиком (L o w i c k N. M. Shaybanid silver coins. P. 304, 326, № 337) монете такой плохой сохранности, что публикатор не мог прочесть на ней ни наименования монетного двора, ни титулатуры в круговой надписи. К этому же типу, возможно, относится и монета № 27 нашего клада; у нее такой же картуш оборотной стороны, но лицевая сторона полностью стерта.

и дата цифрами: العادل والملك الكامل | الخاقان | ابو الغازي خلد الله تعالى منك و سطرانه ضرب بئع

Об. ст. В картуше — символ веры. По кругу — имена первых четырех халифов (соединенные союзом «уа») с их обычными эпитетами.

28. Абдаллах II. Балх (рис. 1, 28).⁷

Л. ст. В картуше — имя и часть титулов: عبد الله بينار خان | الخاقان الخاقان الخاقان | ابو الغازي خلد الله تعالى منك و سطرانه ضرب بئع

Об. ст. В картуше — символ веры. Вокруг стерто. По другим односторонним монетам видно, что при имени каждого из первых четырех халифов был титул امير المؤمنين.

29. Абдаллах II (рис. 1, 29).⁸

Л. ст. В картуше — имя и часть титулов: عبد الله بينار خان | الخاقان | ابو الغازي خلد الله تعالى منك و سطرانه ضرب بئع

Об. ст. В картуше — символ веры. По кругу — имена первых четырех халифов с титулом امير المؤمنين у каждого.

30. Абдаллах II. 991/1583 г. (рис. 1, 30).⁹

Л. ст. В картуше — имя, часть титулов и дата цифрами: عبد الله بينار خان | الخاقان | ابو الغازي خلد الله تعالى منك و سطرانه ضرب بئع

⁷ Тип пока представлен небольшим числом экземпляров, все чеканы в Балхе, дата цифрами в картуше (полностью сохранилась на монете ГЭ, № 37 — 996 г. х.). Надписи реконструированы на основе монет ГЭ, № 137 и МИУз, № 51/7.

⁸ Балхскую монету этого типа Н. М. Лавик (L o w i c k N. M. Shaybanid silver coins. P. 283, 321, № 128) неверно отнес к чекану Абдаллах-хана I (946—947 г. х.). Тип этот хорошо представлен в музеях СССР, некоторые экземпляры сохранили и даты, ясно показывающие, что чеканы они Абдаллах-ханом II (991—1006 г. х.): 991 г. х. (ГЭ, № 133б; МИУз, № 51/8), 996 г. х. (ГЭ, № 138, 152; МИУз, № 384/54). Все многочисленные монеты этого типа, сохранившие наименование монетного двора, чеканы в Балхе.

⁹ Монеты этого типа весьма многочисленны, все известные нам чеканы в Бухаре в различные годы. Бухарские монеты 991 г. х. см.: ГЭ, № V/1388, 131—133, 132а, 132б; ГИМ, № 939776—939778; МИУз, № 384/46—21; СМ, № 455; в коллекции Е. А. Пахомунова (ныне в ГЭ). Публикации Х. М. Френа (см.: F r a e h n Ch. M. Resensio numorum turanidarum... Petrofili, 1820. P. 440, № 10), Н. М. Лавика (см.: L o w i c k N. M. Shaybanid silver coins. P. 308, 327, № 348) и др.

Об. ст. В картуше — символ веры. По кругу, как у № 29.

31. Абдаллах II. Бухара 998/1589-90 г. (рис. 1, 31).¹⁰

Л. ст. В картуше — имя, часть титулов и дата цифрами: عبد الله بينار خان | الخاقان الخاقان الخاقان | ابو الغازي خلد الله تعالى منك و سطرانه ضرب بشير مرد بخارا

Об. ст. В картуше — символ веры. По кругу, как у № 29 (Абу Бакр: ابا بكر).

32. Абдаллах II. Бухара [1003/1594-95 г. (рис. 1, 32).¹¹

Л. ст. В картуше и по кругу, как у № 31, только другая дата.

Об. ст. В картуше и по кругу, как у № 31, только форма самого картуша другая.

33. Абдаллах II (рис. 1, 33).¹²

Л. ст. В картуше — имя и часть титулов, как у № 31, но без даты. По кругу — остальные титулы и благопожелание, как у № 31—32; наименование монетного двора стерто.

Об. ст. В картуше — символ веры. По кругу, как у № 29 (Абу Бакр: ابا بكر).

34. Абд ал-Амин. Балх (рис. 1, 34).¹³

¹⁰ Тип широко представлен в музеях и коллекциях. Монеты Бухары 998 г. х. см.: СМ, № 457; ГЭ, № 140; публикация Н. М. Лавика (L o w i c k N. M. Shaybanid silver coins. P. 308, 327, № 357).

¹¹ Тип широко представлен в музеях и коллекциях. Бухарские монеты 1003 г. х. см.: ГЭ, № 143с, 143д, 143е; МИУз, № 384/49, 50, 59.

¹² Монеты этого типа в музеях и публикациях довольно редки. Нам известен один неопубликованный экземпляр в ГИМ (№ 939775) и в коллекции Е. А. Пахомунова (сейчас в ГЭ). Наименование монетного двора: ضرب بئديع. Аналогичный экземпляр опубликовал Ст. Лэн-Пуль (L a n e - P o o l e St. Catalogue of oriental coins in the British Museum. London, 1882. Vol. 7. P. 63, № 159), считая наименование монетного двора стертым. Вторично эту монету опубликовал Н. М. Лавик (L o w i c k N. M. Shaybanid silver coins. P. 307, 327, № 345), который прочел «Балх». Все эти монеты не имеют даты. Определение недатированных типов монет Абдаллах всегда затруднительно, так как было два шейбанидских государя с этим именем. Ст. Лэн-Пуль и Н. М. Лавик свой экземпляр отнесли к чекану Абдаллах-хана II. Такое определение по ряду косвенных признаков и нам кажется более правильным; особенно существенно сочетание крупного размера и очень неправильной формы монетного кружка.

¹³ Опубликованы 5 монет Абд ал-Амина трех типов (монета клада является типом I), рассмотрен вопрос об их атрибуции, см.: Давидович Е. А. Серебряные монеты уделных владельцев как источник по истории Средней Азии XVI в. // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1973. М., 1979. С. 64, 67, 86—87.

Л. ст. В картуше — имя и часть титулов: *عبد الامين بياتر خان*. По кругу почти все стерто, но наименование монетного двора сохранилось.

Об. ст. В картуше — символ веры. Кругом, как у № 29.

Джанидские серебряные монеты в составе клада представлены как опубликованными, так и новыми типами; последним присвоены новые типовые номера, продолжающие нумерацию опубликованных. Картуши новых типов джанидских монет клада — на рис. 2—3. Описание типов начинается с указания порядковых номеров монет по сводной описи клада (табл. 1).

35. Джани-Мухаммад, тип 1. Балх.¹⁴

Л. ст. В картуше — имя и часть титулов: *جانی محمد بياتر خان*. По кругу — остальные титулы, благопожелание и наименование монетного двора: *الخاقان العادل والملك الكامل اباو الغازی خذ الله تعالى منكه وسكطانه باغ*.

Об. ст. В картуше — символ веры. По кругу — имена первых четырех халифов с титулом *امير* *المؤمنين* у каждого.

39. Джани-Мухаммад, тип 2. 1010, 1601-02 г.¹⁵

Л. ст. В картуше — имя и часть титулов, как у № 35, а также дата цифрами. По кругу — сохранилась часть остальных титулов, позволяющая реконструировать титулатуру на монетах типа 2: *الخاقان الخا اقان الخاقان اباو الغازی*.

Об. ст. В картуше — символ веры. Вокруг стерто.

40. Джани-Мухаммад, тип 7.¹⁶

Л. ст. В картуше — имя и часть титулов: *جانش محمد بياتر خان*. По кругу — сохрани-

лась часть остальных титулов и часть благопожелания, позволяющие реконструировать круговую надпись, как у монет типа 1 этого государства.

Об. ст. В картуше — символ веры. По кругу — имена первых четырех халифов с титулом *امير* *المؤمنين* у каждого (*ابا بكد*: *ابا بكد*).

41. Джани-Мухаммад, тип 8 (рис. 2).¹⁷

Л. ст. Форма картуша, надпись внутри картуша и по кругу, как у типа 1. Наименование монетного двора обрезано.

Об. ст. В картуше — символ веры. По кругу — имена первых четырех халифов с их эпитетами; сохранилось *عفی و ابا بكر الصديق المرتضى*.

42. Джани-Мухаммад, тип 9 (рис. 2).¹⁸

Л. ст. В картуше — имя и часть титулов: *جان محمد بياتر خان*. По кругу — фрагментарно сохранились остальные титулы, прочее вообще стерто и обрезано.

Об. ст. В картуше — символ веры. Вокруг стерто.

43—45. Баки-Мухаммад, тип 1. Балх.¹⁹

Л. ст. В картуше — имя и часть титулов: *باقی محمد بياتر خان*. По кругу — фрагменты остальных титулов и наименование монетного двора.

¹⁷ Монета уникальная. Ранее было описано семь типов в чекане Джани-Мухаммада (Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. С. 12—14), новому типу поэтому присвоен следующий номер — тип 8. Привлекает внимание, что от типа 1 новый тип 8 отличается только картушем и надписями оборотной стороны.

¹⁸ Монета уникальная, новому типу присвоен следующий номер — тип 9. Форма первой части имени («Джам», без буквы «йа» в конце) такая же, как на его монетах типа 3 (не представленного в дошедших частях клада), чеканенных в Ташкенте (см.: Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. С. 13). Привлекает также внимание, что картуш лицевой стороны типа 9 повторяет один из основных картушей серебряных монет шебанидских государей Абдаллаха II (991—1006 гг. х.) и его сына Абд-аз-Мумина. Это уже второй пример того, что для монет Джани-Мухаммада заимствовали картуши монет последних государей предшествующей, шебанидской династии. Первый пример — тип 3, не представленный в кладах. Картуш лицевой стороны монет типа 3 Джани-Мухаммада повторяет один из картушей Искандара (968—991 гг. х.) и его сына Абдаллаха II (991—1006 гг. х.).

¹⁹ К типу 1 относится еще 6 монет (№ 46—51), но у них наименование монетного двора стерто. Тип 1 был ранее описан на основании двух монет, на одной сохранилось наименование монетного двора (Балх), надписи реконструированы полностью (см.: Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. С. 14 и табл. 2/1; Каталог: № 24—25 на с. 244). Монеты клада существенно пополняют количество экземпляров типа 1, но новых данных не содержат.

¹⁴ К типу 1 относятся еще три монеты клада (№ 36—38), но на них не сохранилось наименование монетного двора. Тип 1 уже опубликован на основании 7 монет; одна из них чеканена в Бухаре, остальные не сохранили наименования монетного двора; на трех в картуше дата цифрами — 1009/1600-01 г. (см. Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. С. 12 и табл. 1/1; Каталог: № 1—7 на с. 243). Монета клада пополняет характеристику типа 1 новым монетным двором.

¹⁵ Тип 2 ранее был описан на основании одной монеты, сохранившей наименование монетного двора (Самарканд) и часть благопожелания государю в круговой надписи на лицевой стороне (см.: Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. С. 12 и табл. 1/2; Каталог: № 15 на с. 243). Монета клада — второй экземпляр; она не сохранила наименования монетного двора, зато имеет дату, а также позволяет реконструировать титулатуру.

¹⁶ Тип 7 в чекане Джани-Мухаммада описан на основе 7 монет, причем на четырех экземплярах сохранилось и наименование монетного двора — Бухара (см.: Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. С. 14 и табл. 1/7; Каталог: № 8—14 на с. 243).

Т а б л и ц а 1
Состав сохранившейся части клада
(№ 1—34: Шейбаниды; № 35—59: Джаниды)²⁰

№ п/п	Инвентарный номер	Государь	Монетный двор	Тип	Год хиджры	Масса, г	Размер, мм
1	259/1	Убайдуллах	Самарканд	—	944	4.25	23—25
2	T-1	Пир-Мухаммад I	—	—	—	4.55	28—29
3	T-2	Искандар	Балх	—	988	4.25	25—27
4	T-3	»	»	»	988	4.15	26—26
5	T-4	»	»	»	988	4.10	26—29
6	T-5	»	»	»	—	4.15	25—27
7	T-6	»	»	»	—	4.13	25—27
8	T-7	»	—	—	—	3.85	24—27
9	T-8	»	—	—	—	4.15	24—25
10	T-9	»	—	—	—	3.55	27—27
11	259/2	»	—	—	—	4.15	24—26
12	259/3	»	—	—	—	3.47	25—27
13	259/4	»	—	—	—	4.32	26—27
14	259/5	»	—	—	—	4.17	24—26
15	259/6	»	—	—	—	4.02	23—24
16	259/7	»	—	—	—	3.88	24—26
17	259/8	»	—	—	—	4.22	25—29
18	259/9	»	—	—	—	4.25	25—26
19	259/10	»	—	—	—	3.67	23—26
20	259/11	»	—	—	—	4.31	23—26
21	259/12	»	—	—	—	4.48	25—25.5
22	259/13	»	—	—	—	4.26	25—25
23	259/14	»	—	—	—	4.02	24—28
24	259/15	»	—	—	—	4.24	24—25
25	259/16	»	—	—	—	4.12	27—28
26	259/17	»	—	—	—	3.90	24—26
27	T-10	»	—	—	—	4.05	25—26
28	T-11	Абдаллах II	Балх	—	—	4.40	28—30
29	259/18	»	—	—	—	4.22	27—30
30	259/19	»	—	—	991	4.27	29—30
31	259/20	»	Бухара	—	998	4.62	30—30
32	259/21	»	»	»	1003	4.64	28—30
33	259/22	»	—	—	—	4.62	30—35
34	T-12	Абд ал-Амин	Балх	—	—	4.55	27—28
35	T-13	Джани-Мухаммад	»	1	—	4.65	27—27
36	T-14	»	»	1	—	4.64	26—30
37	T-15	»	»	1	—	4.60	25—28
38	259/23	»	»	1	—	4.60	25—27
39	T-16	»	»	2	1010	4.55	25—28
40	T-17	»	»	7	—	4.55	27—34
41	259/24	»	»	8	—	4.58	26—28
42	259/25	»	»	9	—	4.43	26—28
43	T-18	Баки-Мухаммад	Балх	1	—	4.62	27—29
44	T-19	»	»	1	—	4.62	27—31
45	T-20	»	»	1	—	4.60	25—28
46	T-21	»	»	1	—	4.64	28—28
47	T-22	»	»	1	—	4.64	26—28
48	259/26	»	»	1	—	4.58	26—28
49	259/27	»	»	1	—	4.60	26—30
50	259/28	»	»	1	—	4.60	26—27
51	259/29	»	»	1	—	4.58	30—31
52	259/30	»	Самарканд	2	—	4.10	27—29
53	259/31	»	»	2	—	4.50	28—28
54	259/32	»	[Бухара]	2	—	4.60	26—29
55	259/33	»	»	11	—	4.58	28—29
56	259/34	»	»	12	—	4.55	30—33
57	T-23	»	Самарканд	13	1013	4.35	30—31
58	T-24	Вали-Мухаммад	—	2	—	4.45	27—28
59	259/35	»	—	—	—	4.62	27—28

²⁰ Тире в графе «Монетный двор» означает, что его название стерто или обрезано; тире в графе «Год хиджры» означает, что дата либо не была проставлена, либо стерта.

05. ст. В картуше — символ веры. По кругу — имена первых четырех халифов с титулом *امير المؤمنین* у каждого.

52—53. Баки-Мухаммад, тип 2. Самарканд.²¹

Л. ст. В картуше — имя и часть титулов, как у типа 1. По кругу — фрагменты остальных титулов и благопожелания, а также наименование монетного двора: *الخاقان الخاقان* [الخاقان الخاقان الله تعالى ملكه ... سميرقند

06. ст. В картуше — символ веры. По кругу — имена первых четырех халифов с титулом *امير المؤمنین* у каждого.

55. Баки-Мухаммад, тип 12 (рис. 3).²²

Л. ст. В картуше — имя и часть титулов, как у типа 1. По кругу — сохранилась часть остальной титулатуры: *الخاقان الخاقان*.

05. ст. В картуше — символ веры. По кругу — имена первых четырех халифов с титулом *امير المؤمنین* у каждого.

56. Баки-Мухаммад, тип 13.²³

Л. ст. В картуше — имя и часть титулов, как у типа 1. По кругу — сохранились фрагменты остальной титулатуры и благопожелания: *الخاقان الخاقان الخاقان... خند الله...*

05. ст. В картуше — символ веры. По кругу — имена первых четырех халифов с титулом *امير المؤمنین* у каждого.

57. Баки-Мухаммад, тип 14. Самарканд 1013/1604-05 г.²⁴

²¹ Тип 2 ранее был описан по одной монете, чеканенной в Бухаре 1011/1602-03 г. (см.: Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. С. 14 и табл. 2/2; Каталог: № 26 на с. 244). Монеты клада не сохранили или не имели даты, но теперь ясно, что один и тот же тип 2 имени Баки-Мухаммада выпускали и в Бухаре, и в Самарканде. В кладе типу 2 принадлежит еще одна монета (№ 54), наименование монетного двора стерто, но расположение надписей позволяет предположить, что она чеканена, скорее всего, в Бухаре.

²² Монета уникальная. Описано и опубликовано 11 типов в серебряном чекане Баки-Мухаммада (10 типов см.: Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. С. 14—17 и табл. 2; тип 11 см.: Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 3 (Караханиды, Мас'уд-бек, Чагатаиды, Тимуриды, Джаниды) // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1981. Вып. 16. С. 86). Монета клада демонстрирует новый тип, которому присвоен следующий номер — тип 12.

²³ Монета уникальная, демонстрирует новый тип, которому присвоен соответственно следующий номер — тип 13.

²⁴ Монета уникальная, является новым типом, которому присвоен соответственно следующий номер — тип 14. Привлекает внимание, что аналогичная дата (1013 г. х.) сохранилась на монете типа 6, представлен-

Л. ст. В картуше — имя и часть титулов, как у типа 1, а также дата цифрами, обозначенная с перестановкой цифр сотен и десятков, как *١٠٠٠* (ислито *١٠٠٠*). Вокруг стерто, в левой нижней части сохранилось наименование монетного двора: *همبر شير مرد سميرقند*.

05. ст. В картуше — символ веры. По кругу — имена первых четырех халифов с титулом *امير المؤمنین* у каждого.

58. Вали-Мухаммад, тип 2.²⁵

Л. ст. В картуше — имя и часть титулов: *ولی [محمد] بیتار خان*. По кругу — сохранились фрагменты остальных титулов и благопожелания: *ذالان خان اقان الخاقان ابو الغازی [خند الله] تعالی ملكه و سلطاً نه...*

05. ст. В картуше — символ веры. По кругу — имена первых четырех халифов с титулом *امير المؤمنین* у каждого.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ XVI—XVII вв.

Изучение денежного обращения XVI—XVII вв., в том числе политики Шейбанидов и Джанидов в отношении чеканки монет и форм эксплуатации монетной регалии, обеспечено разными источниками: нумизматическими, документальными, нарративными. Именно комплексное источниковедение позволяет исследовать многие механизмы финансовой политики, реконструировать состояние и особенности денежного обращения, обнаружить кризисы и денежные реформы. Но подобное исследование важно не только для реконструкции ряда аспектов экономической ситуации в государствах Шейбанидов и Джанидов, не меньшее значение оно имеет для понимания многих вопросов финансовой политики и денежного обращения предшествующих столетий, не обеспеченных подобным полным комплексом источников.

Многие годы я изучала денежное обращение при Шейбанидах и Джанидах (XVI—XVIII вв.), результаты опубликованы в 1950—1964 гг.,²⁶ но к двум вопросам этой многогран-

ного единственного опубликованным экземпляром (см.: Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. С. 16 и табл. 2/6; Каталог: № 30 на с. 244). Типы 6 и 14 различаются картушами обеих сторон монетного кружка.

²⁵ Тип 2 ранее был описан на основе двух монет, одна из них сохранила наименование монетного двора — Бухара (см.: Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. С. 18 и табл. 3/2; Каталог: № 36—37 на с. 244).

²⁶ Давидович Е. А. 1) К вопросу о курсе и обращении серебряных монет в государствах Шейба-

ной проблемы сейчас следует вернуться: о пробе (стандарте чистоты) серебряных монет XVII в. и о курсе тех серебряных монет XVI—XVII вв., которые в документальных источниках названы «старыми».

Необходимость обращения именно к этим вопросам продиктована следующими соображениями. Во-первых, со времени публикации упомянутых исследований о денежном обращении в государствах Шейбанидов (XVI в.) и Джанидов (XVII—XVIII вв.) накопился новый материал: монеты и клад (включая публикуемый здесь), свидетельства нарративных и документальных источников, который необходимо ввести в общий источниковый фонд изучения проблемы. Во-вторых, Б. Д. Кочнев (1974 г.)²⁷ и Р. З. Буриашева (1976 г.)²⁸ опубликовали новые реконструкции особенностей обращения в XVII в. «старых» серебряных монет, так что сейчас по одному из ключевых вопросов организации денежного обращения существуют три разные точки зрения; необходимо обобщить и проанализировать материал и три опыта его разной интерпретации.

Начнем с полемики по поводу политики правительства в части пробы серебряных монет (таंगा) и организации их обращения в XVII в. при Джанидах. Комплексное исследование нумизматических (включая количественный химический анализ большого числа монет) и рукописных (документальных и нарративных) источников позволило сделать следующие выводы.²⁹

1. На протяжении XVII в. пробу серебряных монет многократно, но всегда легально изменяли; общая тенденция в сторону снижения стандарта чистоты привела к тому, что за столетие процент серебра в монетах снизился с 90 до 22,5; это не был однолинейный процесс. Снижение пробы чередовалось с временными повышениями.

2. Все обращающиеся серебряные монеты в XVII в. делились на две группы: группу «новых» (в документальных описаниях — «ходячие» или «ходячие в данное время», «новые»

нидов (XVI в.) // Труды САГУ. Новая серия. Ташкент, 1950. Вып. 11. С. 137—170; 2) История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. С. 82—189; и другие работы.

²⁷ Кочнев Б. Д. Об особенностях серебряного обращения в Средней Азии XVII века // ОИУ. 1974. № 6. С. 53—56. Вся аргументация изложена на с. 55—56, поэтому дальше ссылки на конкретные страницы не будут.

²⁸ Буриашева Р. З. Два клада джанидских тенг XVII века с территории Южного Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 63—65.

²⁹ Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. С. 82—134.

и т. д.) и группу «старых» (в документальных описаниях определены именно этим словом — «старые»). Перегруппировки производились с изменением пробы «новых» и без ее изменения. Иначе говоря, перегруппировки были более частым явлением, чем изменение пробы монет.

3. «Новые» серебряные таंगा обращались по принудительному курсу. Еще в XVI в. в результате реформы Абдаллах-хана II (1583—1598) «новая» серебряная таंगा весом в мискал была приравнена к 30 медным динарам. Это же равенство фиксировало принудительный курс «новых» таंगा в документах XVII в. Именно «новые» таंगा были основным средством обращения в сфере серебра, тем более что было выгодно от них поскорее, до очередной перегруппировки, избавиться.

4. «Старые» таंगा обращались по более низкому и разному (зафиксировано девять для XVII в.) курсам, в основе которых была их указанная проба (стандарт чистоты), известная современникам. Это были прочные деньги, с которых уже «слетела» надбавка принудительного курса, поэтому их выгодно было получать (и копить), но невыгодно отдавать. В казне и для любого рода частных операций «старые» таंगा подбирались по пробе, иногда также по месту их чекана.

5. Практическим критерием различия «новых» и «старых» таंगा и разнопробных «старых» между собой были их приметное внешнее оформление: формы картушей на двух сторонах монетного кружка (внутри и вне которых расположены надписи).

В 1974 г. Б. Д. Кочнев посвятил специальную статью особенностям обращения серебряных монет в XVII в., полагая, что найденный в Самарканде на Регистане клад способствует «лучшему пониманию» этого вопроса. Регистанский клад относится, по моей периодизации, ко второму этапу денежного обращения при Джанидах, своим основным составом (в том числе и подбором монет нескольких близких стандартов чистоты) не отличается от других многочисленных кладов этого этапа, поэтому не дает нового материала для его характеристики. Но клад пополняет фонд классификационных типов: Б. Д. Кочнев обнаружил в его составе 66 неопубликованных типов таंगा и каким-то образом узнал, что в целом сейчас выявлено «едва ли половина всех типов монет» Имам-Кули-хана (1611—1642) и Надир-Мухаммад-хана (1642—1645).

Несколько упрощено, а местами неверно³⁰ изложено содержание главы II моей монографии

³⁰ Например, мне приписано утверждение, будто тип был «единственным» критерием определения разно-

(и даже не прочитав, как стало ясно, глав III—IV, посвященных аналогичным сюжетам и подкрепляющих выводы главы II), Б. Д. Кочнев сосредоточил все внимание на «старых» таंगा, «которые, — по его мнению, — в XVII в. составляли большинство ходившей на рынке монеты». Он выстроил следующую причинно-следственную цепочку из двух тезисов: 1. Тип не мог быть критерием различения «старых» монет второй пробы (а других критериев не было); 2. «Следовательно, в XVII в. „старые“ теньги хотя и были разнопробными, но одновременно не могли иметь различные курсы», так что «вся масса ходивших на том или ином отрезке времени „старых“ разнопробных монет, очевидно, обращалась по одному курсу».

Ясно, что стоит из этой «цепочки» выпустить одному звену, второе уже можно и не рассматривать. Но с методической целью необходимо оценить аргументацию в пользу каждого тезиса.

Тезис 1. Тип не мог быть критерием, по мнению Б. Д. Кочнева, в силу следующих причин: типов много, некоторые настолько похожи, что их легко спутать,³¹ определение типа затруднительно даже для специалиста-нумизмата; тип потертых монет вообще неопределим; все эти трудности с типами открывали бы «простор для всякого рода махинаций (если принять гипотезу Е. А. Давидович об обращении «старых» монет)».

1. Определить тип таंगा XVII в. для специалиста-нумизмата подчас действительно нелегко, так как он имеет дело с небольшим чис-

курсных монет (у меня — практическим критерием); высказано твердое убеждение, что высокопробные (100 % серебра) монеты никогда не чеканили, между тем на феодальном Востоке такой стандарт чистоты устанавливали часто (в близкое рассматриваемое время — в XV в. при Тимуридах, в XIX в. — при Мангитах и т. д.).

³¹ В этом пункте, кстати, отождествлены современная типологическая классификация монет и экономическое назначение типовых различий в политике правительства XVII в. Типологическая классификация при выбранном критерии (в данном случае — сумма картушей двух сторон монеты) должна быть максимально формализована. Например, однолинейные розетки, различающиеся числом (6, 7, 8) или конфигурацией (округлые, приростенные) лепестков, или фигурные картуши, различающиеся мелкой деталью, — все это разные классификационные типы даже в тех случаях, когда ясно, что они чеканены на одном отрезке времени. Абсолютно одинаковые картуши л. ст. при разных картушах об. ст. (и наоборот) тоже образуют разные типы. Но количество классификационных типов и число экономических акций — это не одно и то же. Каждая перегруппировка монет базировалась на выпуске таंगा нового типа, но это «экономический тип» мог включать (и включать, судя по ряду примеров) несколько сходных классификационных типов, современникам объявляя приметные признаки внешнего оформления.

лом монет. Я, например, к 1964 г. во всех музеях выявила и обработала всего 920 монет XVII в.; Регистанский клад, изученный Б. Д. Кочневым, состоит из 937 монет. Если для сравнения взять всего лишь 20 документов (купчих и закладных) XVII в., то они фиксируют операции на общую сумму 309 100 таंगा. Эти цифры показывают, что по мере накопления материала и опыта специалисту-нумизмату станет легче определять типы монет, но едва ли он приблизится к опыту тех, кто в XVII в. постоянно оперировал серебром, не говоря уже об особом опыте саррафов, казначеев и пр.

2. Что касается стертых монет, то они всегда имели свой статус, их курс, покупная способность по мере заметной потери веса снижались и стихийно (на рынке), и закономерно; стертые монеты иногда выполняли функции кратных основного номинала. Приведем лишь один пример, показывающий, насколько умело современники определяли статус потертых серебряных монет.³² Таंगा Мухаммад-Рахима середины XVIII в. (весовой стандарт — 4,8 г, стандарт чистоты — около 30 %) обращались долго, до начала XX в. Они получили название «мири» и были приравнены к одной четверти пореформенной (реформа 1785 г.) таंगा (весовой стандарт — 3,36 г, стандарт чистоты — 100 %). Если исходить из названных стандартов веса и пробы, за пореформенную таंगा должны были давать около 2,5 таंगा Мухаммад-Рахима, а давали четыре, что произошло из-за большой потертости последних и в среднем соответствовало этому установленному и узаконенному равенству и названию «мири».

3. Основным средством обращения в сфере серебра были не многотипные и разнопробные «старые» монеты (как считает Б. Д. Кочнев), а «новые» таंगा. Это значит, что на каждом отрезке времени достаточно было знать один тип (объявленный тип «новых» монет), чтобы не впасть в ошибку. Даже в крупной торговле недвижимостью, оформляемой документами, на первых двух этапах денежного обращения XVII в. (когда основу монетной массы составляли таंगा с преобладанием серебра в пределах 90—60 %) господствовали «новые» монеты, поэтому в кунчих этих двух этапов фигурируют именно «новые» монеты. Лишь на третьем этапе (когда основу монетной массы составили таंगा, в которых было 35—30, а преимущественно даже 25—22,5 % серебра) крупная торговля, оформляемая документами, предпочитала не

³² Давидович Е. А. О происхождении и значении термина *мири* в денежном хозяйстве Средней Азии XV—начала XX в. // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976. С. 124—127.

иметь дел с «новыми» монетами: на третьем этапе в купчих фигурируют «старые», преимущественно низкопробные таंगा. Но это значит, что на остальных уровнях торговли «новые» таंगा обращались особенно интенсивно, ибо каждый старался поскорее от них избавиться. «Старые» многотишине и разнопробные монеты в разной степени на разных этапах извлекались из частных накоплений и из казны для различных акций, но их, как правило, и в казне, и в торговле подбирали по пробе, что и облегчало их использование.

4. Опасение Б. Д. Кочнева относительно возможности «всякого рода махинаций» при одновременном обращении разнокурсовых монет справедливо, но не в качестве аргумента против такой организации денежного обращения, ибо махинации и обман — его обычные спутники при феодализме, не нужно только забывать, что XVII в. в Средней Азии — именно феодализм!

5. Вместе с тем нельзя не напомнить, что люди состоятельные и богатые были в известной степени «ограждены» от взаимного обмана (казна тоже в этом смысле была в «безопасности»). В мусульманских юридических сочинениях специально рассматриваются ситуации, когда в стране обращаются разные монеты, и рекомендуется совершать сделки на самые употребительные из них; во избежание могущих возникнуть споров обращаться к компетентному лицу для определения качества монет, причем специально рассматривается вопрос о том, кто (продавец или покупатель) должен оплачивать эту «консультацию». Если при возникновении спора о качестве предъявленных монет продавец и покупатель договариваются о цене сами — сделка считается законной.³³ Все сложности денежного обращения в Средней Азии XVII в. здесь «предусмотрены»: преимущественное обращение «новых» таंगा; корректировка цены товара в случае спора о пробе и курса «старых» таंगा; «платная консультация» сведущего лица, которое хорошо разбирается в типах и сортах монет, а в нужном случае могло прибегнуть и к техническим способам проверки пробы.³⁴

Завершая оценку тезиса 1, полезно привести разъяснения Б. Д. Кочнева, косвенно к этому

тезису относящегося. Придя к выводу, что правительством для разнообразия «старых» монет назначалось обидит курс; и что его мятежи, Б. Д. Кочнев все же обосновывает тем, что снижение курса подчас (при Имам-Кули, Надир-Мухаммаде, Абд ат-Азизе и Субхан-Кули) бывало настолько «резким» и «решительным», что это должно было приводить и приводило к выпадению из обращения более высокопробных «старых» таंगा. Возникает вопрос: каким же образом в XVII в. отличали более высокопробные монеты от менее высокопробных, если, согласно тезису 1, это было невозможно? Так, рассуждения, не основанные на фактах, незаметно, но закономерно привели к тому, что Б. Д. Кочнев разрушил свой исходный тезис, который выполнял функцию фундамента при построении новой реконструкции серебряного обращения в XVII в.

Тезис 2. Вывод Б. Д. Кочнева о невозможности одновременного обращения «старых» монет по разным курсам, соответствующим их стандарту чистоты, целиком опирается на тезис 1 и никакими самостоятельными доказательствами не обеспечен. Тем не менее именно из этого вывода родилась странная с экономической точки зрения идея: все «старые» монеты, вне зависимости от их пробы, на каждом отрезке времени ходили по одному общему курсу, который назначало и регулярно (каждые 2—3 месяца) произвольно изменяло правительство. Идея эта сначала скромно названа «новой гипотезой», ограждена от критики словом «очевидно», но из последнего абзаца статьи Б. Д. Кочнева выясняется, что именно эта идея воплощает исковые особенности обращения джанидского серебра в XVII в., а «выявление их существенно дополняет наши представления о среднеазиатской экономике поры позднего феодализма».

Возможны два метода исследования: один — от анализа сведений источников к выводу, другой — от идеи через ее проверку анализом сведений источников. Я избрала первый метод (иной и не был возможен «на целине»), Б. Д. Кочнев — второй. Поэтому поставленный им вопрос — «насколько новая гипотеза согласуется с имеющимися данными» — методически верен и позволял ожидать, что его автор «просеет» сквозь свою идею все опубликованные мной разнообразные свидетельства источников, а возможно, и некоторые новые, добытые собственным трудом. Но оказалось, что из «имеющихся данных» он выбрал только определения «старых» таंगा в документах XVII в. через десятичную дробь и, не анализируя эти определения в свете других сведений источников, просто умозаключил, что они его новой гипо-

³³ Х и д а я. Комментарий мусульманского права. Ташкент, 1893. Т. II. С. 168, 181—182 и др.

³⁴ На мусульманском Востоке владели точными и эффективными методами проверки стандарта чистоты. Но в данном случае важно, что здесь знали и такой быстрой и простой способ, как пробирование с помощью пробного камня и пробирных исл (см., например: Ehrenkreutz A. S. Extract from the technical manual on the Ayyubid Mint in Cairo // BSOAS. 1953. XV/3. P. 445).

Таблица 2³⁵
Описание «старых» таंगा

№ п/п	Дата документа	Десятичное определение	№ п/п	Дата документа	Десятичное определение
1	934/1527	9/10	13	1052/1642	6/10
2	Последняя треть XVI в.	9/10	14	1066/1656	3,5/10
3	90-е гг. XVI в.	9/10	15	1067/1657	6/10
4	1002/1594	9/10	16	1088/1677	7/10
5	1005/1596	9/10	17	1091/1680	2,5/10
6	1006/1597	9/10	18	1091/1680	2,5/10
7	1017/1608	9/10	19	1099/1687-88 (?)	2,5/10
8	1018/1609	9/10	20	1100/1680	2,25/10
9	1024/1615	8/10	21	1103/1692	2,25/10
10	1027/1618	7/10	22	1106/1695	2,25/10
11	1032/1622-23	8/10	23	1111/1699	3/10
12	1032/1623	6,5/10	24	XVII в.	6/10 (6,5/10?)

³⁵ Док № 1—6 см.: Давидович Е. А. К вопросу о курсе и обращении серебряных монет в государстве Шейбанидов (XVI в.). С 141 (документ № 2, хранящийся в ЦГА УзССР, ф. II-323, № 24/2 — это вакф-нама Абдаллах-хана II в пользу Мадер-и хан в Бугаре; в статье на основе печати разных счетов составленным после 989 г. х., что неверно, ибо дата на печати, как оказалось, не 989 г. х., т. е. вакф-нама является сыяком-кошией XVII в.). Док. № 7—23 см.: Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. С. 86—91. Док. № 24 см.: Етапи А. А., Чехович О. Д. Регесты среднеазиатских актов // Письменные памятники Востока: Ежегодник. 1974. М., 1981. С 51. № 9, рис. 15. Публикаторы на печати прочли дату 999/1590-91, что невозможно, так как в XVI—начале XVII в. такие низкопробные таंगा еще не чеканили. На рис. 15 печать плохо видна, проверить невозможно.

тезе «не противоречат». Получается, что задачу проверки идеи Б. Д. Кочнева «имеющимися данными» источников вместо него приходится выполнять мне.

Перечитав тысячи документов XVI—XVIII вв., я всего лишь в нескольких десятках обнаружила описания «старых» таंगा, включающие некие определения в виде десятичных дробей: от $\frac{9}{10}$ «девяти-десятые» до $\frac{6}{10}$ «шести-десятые» (дву-с-четвертью-десятые). В табл. 2 эти определения расположены в хронологическом порядке документов XVI—XVII вв. (XVIII в. здесь опускаю).

Понимание значения десятичных определений не лежало на поверхности. Лишь сравнительный анализ разнородных свидетельств источников привел меня к заключению, что исходное назначение этих определений — фиксация их пробы, стандарта чистоты, а производное — курса, соответствующего пробе (об этом — далее). Предлагая новую интерпретацию десятичных определений, Б. Д. Кочневу следовало бы сначала рассмотреть приведенные мной свидетельства других источников и показать либо их недостоверность, либо изъяснить моего анализа, потом противопоставить им позитивные доказательства в пользу нового толкования. Вместо этой работы Б. Д. Кочнев ограничился декларацией: каждое десятичное

определение фиксирует назначенный правительством произвольный общий курс для всех разнопробных «старых» таंगा; разные определения означают, что правительство общий курс часто (каждые 2—3 месяца) изменяло.

4. Но действительно ли десятичные определения «старых» таंगा в документах XVII в. не противоречат, как считает Б. Д. Кочнев, его идее об однокурсном обращении разнопробных монет?

В частных актах необходимо было подробно и всесторонне описывать монеты с той целью, чтобы иметь точные данные и возможность предотвратить или разрешить конфликт, пересчитать описанные монеты в любые другие; для вакф-нама это было особенно существенно, ибо назначенные вакфодателем расходы и выплаты в деньгах предназначались на вечные времена. Возникают вопросы: для чего в вакф-нама (табл. 2, № 1—13) фиксировали бы произвольные и эфемерные двух-трехмесячные курсы «старых» таंगा, скрывавшие серебряные монеты самой разной пробы; каким образом в дальнейшем, через 5—10—100 лет, можно было бы пересчитать назначенные вакфодателем суммы неизвестных по качеству серебряных монет в новые деньги?

В периоды, когда выпускали разные по качеству монеты из валютных металлов, когда происходили перемены и не было стабильности,

когда появлялись даже знаки стоимости с придатительными курсом и т. д., в вакф-нама деньги описывали особенно точно и разными способами, в том числе через чистое весовое золото и (или) серебро. XVII век как раз и был веком постоянных перемен, следовательно, в вакф-нама должны были четко описать стандарт чистоты конкретных танга любым способом. Но если десятичные определения фиксировали лишь оторванный от пробы временный курс — это значит, что в описаниях вовсе не определена проба, эта часть характеристики отсутствует.

Два этих косвенных соображения явно противоречат идее Б. Д. Кочева о назначении десятичных определений фиксировать общий курс разнородных монет.

2. Обратимся к свидетельствам источников, позволяющим перейти от размышлений к фактам.

а) Абулфазл Аллами (1551—1602) в своем сочинении «Айн-и Акбари» особо отметил, что в Иране и Туране высшая степень чистоты серебра обозначается словами «дахдах»,³⁶ т. е. «десяти-десятые». Следовательно, первичное, исходное название десятичных определений драгоценного металла — определение его пробы, стандарта чистоты.

б) В документах XV в., относящихся к гробнице Дервиша Тадж ад-дина Хасана вали в селекции Нишак (а это селение в Лариджане, местности города Амуля мазандаранского), танга описаны подробно, среди описаний и десятичные определения, значение которых четко обозначено предшествующим им словом «айяр» — «проба». Так, проба всех тангаха (реже — танга) Шахруха обозначена одинаково: «по пробе — десяти-десятые» ده بعیار. Документы эти (в основном купчи самого Тадж ад-дина Хасана) составлены в хронологических пределах от раби' I 833/1429 г. до зу-л-ка'да 878/1474 г.³⁷ В купчей, которая была составлена в месяце зу-л-ка'да 838/1435 г.,³⁸ описаны серебряные монеты «казвинские», у них другая проба: «казвинские» ده نه بعیار دانك. Из этого описания («по

пробе — девять-с-четырьмя-дангами-десятые») видно, что в серебряных монетах, отчеканенных в Казвине, было 90 4/6, т. е. 96.66 %, серебра и два данга, т. е. 3.33 %, лигатуры.

в) В бухарских документах 1052/1642³⁹ и 1067/1657 гг.⁴⁰ танга определены выражением بدنه نودگمی — «уменьшенные на десять нахудов». «Нахуд» — это единица веса, равная 1/23 мискала. В этих же описаниях оговорен обычный вес танга — один мискал, следовательно, «уменьшению» подвергнут был не общий вес, а, как мы обосновали, количество серебра. Иначе говоря, танга были чеканены из лигатурного сплава, в котором было 14 нахудов чистого серебра и 10 нахудов лигатуры. Такое определение лигатурного сплава совершенно отвечает технике его изготовления: серебро сначала очищалось до полной чистоты, затем проводился сплав, причем чистое серебро и лигатура брались в назначенной пропорции (с добавкой серебра для угара, чтобы эту пропорцию сохранить), которая на практике выражалась через вес, так что соотношение веса чистого серебра и лигатуры в каждой монете соответствовало назначению. Танга в обоих этих документах названы еще и «шести-десятыми». Если десятичное определение означало пробу серебряных монет, то два разных определения («уменьшенные на десять нахудов» и «шести-десятые») должны были означать одну и ту же пробу. Сложность заключалась только в том, что обозначение пробы через вес в шестиричной системе нельзя выразить целым числом десятичного определения, ибо 10 нахудов лигатуры $\cong 41.66\%$, а 14 нахудов чистого серебра $\cong 58.33\%$. Но при небольшом округлении ($58.33\% \rightarrow 60\%$) это как раз и будут «шести-десятые» танга.⁴¹

г) Химический количественный анализ значительного числа джанидских танга XVII в. убедил в том, что они действительно имели разную пробу, причем выявлены именно те пробы,

³⁶ The 'Ain-i Akbary by Abul-Fazl 'Allami. Vol. 1 / Ed. N. Blochmann. Calcutta, 1872. P. 14.

³⁷ «... درویش تاج الدین حسن ولی... بکوششی محمد تقی دانش بزوه' ان» (далее — Данеш Пакух). Издатель не пронумеровал документы, приводимые в скобках нумерация сделана мной: с. 17 (док. 2), 23 (док. 5), 25 (док. 6), 27 (док. 7; здесь «танга»), 29 (док. 8; здесь ошибка, опущено одно слово — «дах»), 31 (док. 9), 35 (док. 10), 37 (док. 11), 41 (док. 13), 43 (док. 14), 45 (док. 15), 51 (док. 18), 59 (док. 21), 61 (док. 22), 65 (док. 24).

³⁸ Там же. С. 21 (док. 4). Издатель в этом фрагменте текста опустил слово «девять», но оно хорошо видно на фотоконии (с. 20).

³⁹ Вакф-нама в пользу медресе, мечети и хауза Надир-данабег в Бухаре (ЦГА УзССР, ф. II-323, док. 115/160).

⁴⁰ Акт купли и обеления земли в одном из туманов Бухары (см.: Чехович О. Д. Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве. Ташкент, 1954. Док. № 11. С. 47—55).

⁴¹ В исковом заявлении XVII в. (без точной даты, см. табл. 2. № 24) танга описаны как «шести-десятые» и «уменьшенные на восемь нахудов». Вторая характеристика фиксирует сплав из 66.66 % серебра и 33.33 % лигатуры. Такой сплав ближе всего десятичной характеристике танга как «шесть-с-половиной-десятых» (65 %), в документе писец пропустил слово «шести» («половина») случайно либо из-за неточной информации истца, поскольку описывались не представляемые танга, а врученные отсычку раны.

которые зафиксированы в документах (табл. 2) десятичными определениями.⁴²

д) В «Маджма' ал-аркам» (это руководство для чиновников Бухарского ханства о способах ведения податных книг, исчисления площадей, налогов и пр., составлено в конце XVIII в.) описаны способы определения пробы и пересчета из низкопробных таंगा в серебро. Один из примеров показывает, что «старые» таंगा, названные двух-с-половиной-десятыми, содержат именно $2\frac{5}{10}$ серебра: для пересчета нужно сумму разделить на 10 и умножить на 2.5. Иначе говоря, в этом примере десятичное определение «старой» таंगा — это определение именно ее стандарта чистоты.⁴³

В перечисленных свидетельствах источников XV—XVIII вв. определение серебра-металла и серебряных монет десятичной дробью объективно и прямо выступает как способ фиксации их пробы, стандарта чистоты. Неясно, как Б. Д. Кочеву удалось этого не заметить. Но его идея это явно противоречит.

3. Итак, исходное назначение десятичных определений серебряных таंगा в документах — фиксация их пробы. Но из этого следует, что стандарт чистоты таंगा был известен населению, изменения пробы производили легально. Есть еще ряд прямых и косвенных данных, подтверждающих такой вывод.

а) Так, Махмуд ибн Вали в первом томе «Бахр ал-асрар фи мавакиб ал-ахйар» (сочинение написано в Балхе, позднейшее датированное сообщение в нем относится к 1050/1640-41 г.)⁴⁴ описал хорошо ему известную ситуацию с деньгами следующим образом: «Отчеканенное серебро Балха и Мавераннахра именуется таंगा, [весит] она около мискала. Но проба [таंगा] от совершенной чистоты опускается почти до четверти».⁴⁵ Махмуд ибн Вали, следовательно, фиксирует известное современникам сосуществование в XVII в. разнопробных монет, причем самые низкопробные, оче-

видно, соответствуют «двух-с-половиной-десятым» таंगा (25 % серебра) документальных описаний.

б) Именно легальность изменения стандарта чистоты монет привела к ряду принципиальных перемен при их описании в документах. Из изменений в XVII в. особое внимание привлекает исчезновение слова *پاکیزه* («чистые»), что было бы невозможно в официальных казийских документах, если бы размеры добавки лигагури скрывали от населения.

в) Двум русским послам при Джанидах были выданы определенные суммы, оба были осведомлены о пробе таंगा и легко пересчитали их в русские серебряные деньги.

4. Опираясь на одно лишь знание объективных закономерностей и конкретных вариантов денежного обращения в классовых докапиталистических обществах, специалист-историк обязан был сделать следующий вывод из приведенных выше свидетельств источников: легальное сосуществование разнопробных «старых» таंगा означает, что их курс определяла именно их проба, а современники умели различать разнопробные монеты. Мусульманское право учитывало возможные трудности и предусматривало меры их преодоления. Вывод этот, уже не требующий доказательств, применительно к рассматриваемому времени все же можно подкрепить и свидетельствами источников.

а) В XVI и на протяжении трех четвертей XVII в. принудительный курс «новых» таंगा фиксировали через медные дивары. В конце XVI и в XVII в. «новые» таंगा были приравнены к 30 медным диварам. Если курс «старых» таंगा зависел от их пробы, то десятичные определения «старых» таंगा в документах получали два значения: первое, исходное — стандарт чистоты, второе, производное — курс. Это значит, что, например, «девяти-десятые» «старые» таंगा (стандарт чистоты — 90 % серебра) должны были бы равняться 27 медным диварам. Именно это число — 27 медных диваров — фиксирует курс «старых» «девяти-десятых» таंगा в двух документах конца XVI в.⁴⁶

б) В первой половине XVIII в. сосуществовали разнопробные монеты, о чем свидетельствуют и документальные источники, и химический анализ самих таंगा. А как они обращались? Об этом сообщает англичанин Томпсон, сделавший в 1741 г. в бытность свою в Бухаре запись: «на золотую монету приходилось от 50 до 80 таंगा».⁴⁷ Из этого следует, что разнокурс-

⁴² Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. С. 100—120.

⁴³ Там же. С. 167.

⁴⁴ По мнению Б. А. Ахмедова (см.: Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв. (письменные памятники). Ташкент, 1985. С. 67), сочинение написано между 1044/1634—1050/1640-41 гг.

⁴⁵ Рукопись ИВ АН УзССР, инв. № 2372, л. 276. Весовой стандарт джанидских таंगा XVII в., судя по документам, равнялся точно одному мискалу, поэтому определение «около мискала» (повторенное на полях: «таंगा близка одномискальной») может означать следующее: либо подразумевались реальные монеты (вес которых от обращения снижался), либо автор имел в виду местный мискал Балха, который мог быть несколько выше бухарского мискала (4,8 г), положенного в основу монетного чекана.

⁴⁶ Давидович Е. А. К вопросу о курсе и обращении серебряных монет в государстве Шейбанидов (XVI в.). С. 143—144.

⁴⁷ Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. С. 161—163.

ные таंगा существовали, их курс был зафиксирован в данном случае через золото. Сравнение же с реальной пробой монет, чеканенных и обращавшихся в Бухаре в середине XVIII в., убедило в том, что за разными курсами стоит разный стандарт чистоты низкопробных серебряных монет.

И опять же ясно, почему Б. Д. Кочев не заметил перечисленных свидетельств о легальности изменения стандарта чистоты таंगा и одновременно их разнокурсном обращении.

Таким образом, идеи Б. Д. Кочева об однокурсном обращении «старых» разнопробных таंगा и значении десятичных определений этих монет в документах проверки «имеющимися данными» не выдерживают.

Р. З. Бурнашева (1976 г.) высказала ряд критических замечаний в адрес статьи Б. Д. Кочева. Она считает тип весьма удобным критерием различия разнокурсных и разнопробных таंगा, а обращение разнопробной продукции по одному курсу исключает: «Нельзя рассматривать все разнопробные „старые“ тенги как одно целое или как одну курсовую группу». ⁴⁸ Плодотворна ее мысль о том, что потерянные монеты составляли отдельную курсовую группу. Но остальные «старые» таंगा Р. З. Бурнашева делит на разные курсовые группы по времени их превращения из «новых» в «старые»: группу давнишних «старых», группу предпоследних «старых», группу недавних «новых», объявленных «старыми», и т. д. В этой реконструкции связь пробы и курса разорвана.

Вернемся, однако, к публикуемому кладу из Амбарсая. Размеры монет клада (диаметры при обычной неправильной форме и толщина) соответствуют основному серебряному номиналу. Реальный вес монет соответствует весовому стандарту в один мискал (4,8 г), но средний вес (на гистограммах) отдельно шейбанидских (4,2—4,3 г) и джанидских (4,6 г) монет ясно показывает и разную продолжительность (что естественно), и разную интенсивность обращения. Это как раз тот случай (монеты двух династий в составе одного клада, т. е. в одинаковых условиях сокрытия), который позволяет уверенно говорить о разной средней потертости монет из-за разной продолжительности и интенсивности их обращения.

Новые материалы дают возможность вернуться к вопросу о названии серебряных монет (основного номинала и кратных) в государствах Шейбанидов и Джанидов. Для территории Мавераннахра в XVI—XVII вв. характерны три термина: «таंगा», «тангача» и «хани». Самым

употребительным был термин «таंगा». Термин «тангача» («маленькая таंगा») в XVI в. обозначал не мелкую серебряную монетку, а был синонимом термина «таंगा», выходящим из употребления. Термин «тангача» широко употреблялся в XV в. при Тимуридах. Крупные серебряные монеты Тимура (их весовой стандарт точно еще не выяснен, но он был близок 6 г, скорее, несколько выше) называли «таंगा». Термин «тангача» хорошо отражал происходившие после Тимура снижение весового стандарта и уменьшение размеров серебряных монет основного номинала. Даже монеты Шахруха (чеканенные, как следует из документальных описаний, по весовым стандартам в мискал с даггом и в мискал с половиной дагга, ⁴⁹ т. е. 5,6 и 5,2 г) назывались преимущественно «тангача». Но граница между этими двумя названиями не была жесткой. В конце концов весовой стандарт понизили до мискала (4,8 г), ранние высоковесовые монеты постепенно покидали сферу обращения (о чем свидетельствует состав кладов), противопоставление «большого» и «маленького» основного серебряного номинала теряло практическое значение, термины «таंगा» и «тангача» стали употребляться как синонимы. Даже в одном и том же тексте подчас сосуществуют оба термина попеременно. Однако четко обозначилась тенденция, приведшая к тому, что в Мавераннахре XVI в. термин «тангача» употреблялся редко.

Слово «хани» было постоянным спутником (особенно в документах) при названиях монет («танга-и хани», «тангача-и хани», «удостоверяло» государственный характер их чекана («таंगा хауская», «тангача ханская») и легко стало заменять сами названия.

Все три термина применительно к серебру имели два значения: общее — название любой серебряной монеты; частное — название основного серебряного номинала. Иначе говоря, называя конкретное число таंगा, тангача или хани без дополнительных пояснений, современник подразумевал основной серебряный номинал, но это не имело юридической силы. Документ требовал уточнения.

Важнейшим способом уточнения, конкретизации достоинства серебряной таंगा было включение в документальное описание обозначения ее веса. В тысячах документов XVI—XVII вв. вес таंगा приравнен одному мискалу, следовательно, в тысячах документов фигурирует основной серебряный номинал: после третьего, заключительного этапа (1525 г.) реформы Куч-

⁴⁸ Да не еш Па жу х. С. 16—17 (док. 2) и др. — вес в мискал и дагг мискала; с. 34—35 (док. 10) — вес в мискал и половину дагга.

⁴⁹ Бурнашева Р. З. Два клада. . . С. 64.

кунчи-хана⁵⁰ и до реформы 1785 г.,⁵¹ т. е. более двух с половиной столетий, весовой стандарт основного серебряного номинала при Шейбанидах и Джанидах равнялся именно одному мискалу (4,8 г). Средний вес нескольких тысяч серебряных монет этого отрезка времени (с учетом разной продолжительности обращения отдельных групп, т. е. разной степени «средней потертости») отвечает весовому стандарту в 4,8 г.

В мавераннахских документах нередко упоминаются и кратные основного номинала, но они также называются танга, а их кратное достоинство выводится из каких-либо дополнительных характеристик. Например, в документах XVI в. серебряные танга двойного и половины достоинства определены через медные монеты;⁵² танга достоинством в $\frac{2}{3}$ основного номинала определены их весом (четыре данга, т. е. $\frac{2}{3}$ мискала) и отношением к основному номиналу ($\frac{2}{3}$ одномискального танга).⁵³

Привлекает внимание, что в натуре кратные основного номинала пока неизвестны, многие тысячи серебряных шейбанидских и джанидских монет представляют основной номинал. Однако документальные упоминания кратных позволяют надеяться на то, что новые находки монет и кладов заполнят эту лакуну.

Публикуемый клад является еще одним «документом» для изучения монетного чекана и денежного обращения в государстве Джанидов. Это уже четвертый клад смешанного шейбанидско-джанидского состава. На основе первых двух кладов было высказано предположение о том, что танга Шейбанидов⁵⁴ пережили

гибель династии и продолжали обращаться при Джанидах, теперь их четыре, так что об этом можно говорить уверенно.⁵⁵

Поздние монеты в дошедших частях этих кладов чеканы от имени Джанидов Баки-Мухаммада или Вали-Мухаммада в первом десятилетии XVII в. Существует другая группа кладов, ядро которых составляют джанидские танга Имам-Кули (1020/1611—1051/1642), Надир-Мухаммада (1051/1642—1055/1645), Абд ал-Азиза (1055/1645—1091/1680) по отдельности, вместе двух из них или чаще всех трех.⁵⁶ У двух групп кладов четкий водораздел, фиксирующий факт серьезных перемен, две группы кладов соответствуют первым двум этапам денежного обращения в XVII в. Третий этап начался еще при Абд ал-Азизе и включил правление Субхан-Кули-хана (1091/1680—1114/1702). Каждый этап характеризуется тремя признаками: своим составом монетной массы; преобладанием определенных стандартов чистоты в чекане новых монет; «скачкообразным» изменением пробы (т. е. сочетанием общей тенденции ее снижения с эпизодическими повышениями).⁵⁷ Последнее обстоятельство затрудняет выяснение точного времени первого появления некоторых стандартов чистоты. Ясно, что низкопробные монеты, в которых преобладала лигатура, составляли основу монетной массы третьего этапа, но отдельные подобные выпуски появлялись и на втором этапе. Сейчас представляется возможность несколько уточнить время ранних выпусков «двух-с-половиной-десятых» или «трех-десятых» танга. Именно одному из этих двух стандартов чистоты соответствует приведенное выше свидетельство Махмуда ибн Вали о том, что проба монет снижалась почти до четверти, т. е. почти до 25 % серебра. Если сочинение Махмуда ибн Вали, как считает Б. А. Ахмедов, было завершено не позднее

⁵⁰ Давидович Е. А. Денежная реформа Кунчи-хана (XVI в.) // ИЭ. 1972. Т. 10. С. 184—186, 203—204.

⁵¹ Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVI—XVII вв. С. 164—166.

⁵² Ваф-нама раби' 1 942/1535 г. в пользу медресе Газиийан в Бухаре (ЦГА УзССР, ф. 323, № 12, 1186, 1194); танга приравнены к 40 медным монетам; отдельные одномискальные танга в это время приравнивались к 20 динарам. В купчей 3 зу-л-ка да 915/1510 г., оформленной в тумане Ура-типа, названы танга в 10 медных монет (см. Егани А. А., Чехович О. Д. Ресгесты среднеазиатских актов. С. 50, док. № 3, рис. 5).

⁵³ Ваф-нама в пользу медресе и хауза Газиийан в Бухаре. Хранится в Бухарском музее, инв. № 150. Эти кратные фигурируют в назначениях вакфодателя. В перечне купленных и передаваемых в вакф объектов упоминаются и одномискальные танга (выписки я следла с копии, которую сняла с этого документа О. Д. Чехович).

⁵⁴ Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. С. 104—105. Источниковедческое значение сочетания монет Имам-Кули с шейбанидскими танга первой половины XVI в. еще в одном клade пока неясно (см.: Давидович Е. А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979. С. 380—394, клад № 78).

⁵⁵ Третий клад полностью не опубликован, краткое описание его состава см.: Давидович Е. А. Серебряные монеты удельных владетелей как источник по истории Средней Азии XVI в. С. 76—77 и табл. 2.

⁵⁶ Давидович Е. А. 1) История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. С. 60—81 (9 кладов); 2) Заметки по нумизматике Средней Азии. Ч. 1 (Караханиды, Джагатайды, Джаниды) // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1971. Вып. 2. С. 183—186; Кочиев В. Д. Об особенностях серебряного обращения. С. 54 (в клade одна монета Вали-Мухаммада, что не отменяет оговоренной закономерности состава кладов второй группы); Буришаева Р. З. 1) Монетный материал с городища Отрар-тобе за 1971—1972 годы // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 159—163; 2) Два клada. С. 59—80 (в одном клade — одна монета Вали-Мухаммада).

⁵⁷ Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. С. 100—120.

1050/1641 г., это значит, что еще при Имам-Кули (1611—1642) появились танга такой низкой пробы. До сих пор достоверно было установлено,⁵⁸ что Имам-Кули чеканил танга $\frac{7}{10}$, $\frac{6.5}{10}$ и $\frac{6}{10}$ пробы, причем стандарт чистоты в этих пределах не только снижал, но и повышал (выявлена цепочка: $\frac{6.5}{10} \rightarrow \frac{7}{10} \rightarrow \frac{6.5}{10} \rightarrow \frac{6}{10}$). Источниковедческое значение химического анализа одной его монеты типа

9 (21.58 % серебра) и средняя проба (480) сплавленных монет клада, в составе которого были танга Имам-Кули, не были ясны. Теперь с достаточным основанием можно предполагать, что опыт резкого снижения пробы танга до $\frac{2.5}{10}$ или около того впервые предпринял именно Имам-Кули, но опыт этот был кратковременным и неудачным, от него пришлось отказаться. Достаточно сказать, что ранние монеты Надир-Мухаммада (1642—1645) — «шесть-с-половиной-десятые».

⁵⁸ Там же. С. 106—113.

E. A. Davidovich

A HOARD OF SHAYBANID'S AND JANIDS SILVER COINS (TANGA)
AND SOME PROBLEMS OF MONEY CIRCULATION IN XVI—XVII

Author gives a description of 55 Shaybanid and Janid silver coins of the XVI—XVII c., a part of the hoard found near Denau (Surkhan-Darya valley, Uzbekistan). The hoard contains some unic and rare coins. The analysis of this hoard give an opportunity for the author to review certain questions: 1) the «old tanga» (nomenclature of waqi-namahs and Wathika of the XVI—XVII c.) status and their dependance on the standard of fineness; 2) the meanings of «tanga», «tangache» («small tanga») and «khani» at the time of the Timurids (XV c.) and the Shaybanids (XVI c.); the methods of making more precise values of the different silver coins mentioned in documents through their wight standard, nominal price, exchange rate etc.; 3) the consists of coin mass in circulation during the first and second stages of the Janids coins; the significance of Shaybanids coins of the first stage; the second stage low-standart coin (25 % silver) dating.